1-132
С-39

С. СТЕВНИЦКИЙ

У КОРЯКОВ НА КАМЧАТКЕ

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА
ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА ★ 1931
ИЗД-ВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА"

150388

91(С19)К
С79.

С. СТЕБНИЦКИЙ

У КОРЯКОВ НА КАМЧАТКЕ

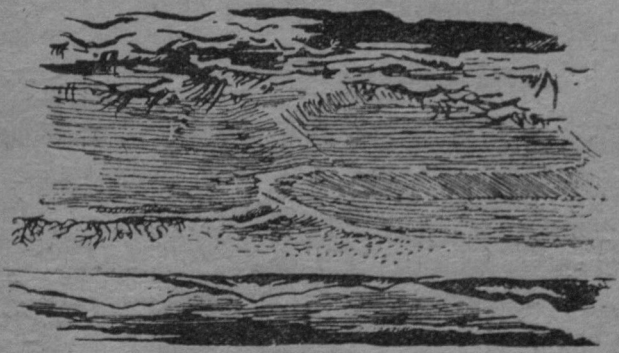
150388.
Камчатская обл. библиотека

Рисунки
А. СТАХЕЕВОЙ

МОСКВА 1931
Изд-во Крестьянская газета

Главлит А—80.520 Зак. 2269 2 п. л. Тираж 30.000

У КОРЯКОВ НА КАМЧАТКЕ

ГЛАВА I

Пароход шел медленно, все время гудел. Временами туман рассеивался, и тогда на берегу виднелись крутые голые скалы или ровная серо-желтая тундра. Все ближе, ближе берег. Вот долгий хриплый гудок и — дррр... пароход задрожал, — бросил якорь. Несколько слов команды с капитанского мостика — загрохотали лебедки. Паровой катер на канатах повис над палубой. Лебедки перенесли его за борт, и вот он уже прыгает внизу на зеленых волнах. С другого борта спустили баркас. На баркас нагрузили несколько ящиков с товарами для Кичигинского отделения

Дальгосторга. Грузчики-китайцы быстро, на руках, спустились по трапу, а за ними стал карабкаться и я — единственный пассажир, который слез в Опуке.

Опука — коряцкий поселок, расположившийся на неуютном берегу Берингова моря. Жители его — коряки, туземцы* северной Камчатки. Они занимаются оленеводством, охотой на морского зверя (тюленя, моржа, кита), а также рыболовством. Охотятся коряки и за пушным зверем: лисицей, соболем, росомахой и пр.

Меня послали в Кичигу учителем в коряцкую туземную школу. И вот я на баркасе. Сижу на ящике. Волны заплескивают через борт. Китайцы суетятся, без умолку тараторя, они подгребают длинными тяжелыми

---

* Туземцы — коренное население.

веслами. Катер, пыхтя, тащит нас на канате. То-и-дело он скрывается за гребнем волны. Мне показывают тюленя, вынырнувшего невдалеке от баркаса. Но я ничего не вижу.

И на берегу, как ни всматриваюсь, тоже ничего не вижу. Только каменная стена скалы. Потом она внезапно обрывается, и опять кочковатая холмистая тундра. А где поселок?

Входим в устье реки. На отмели, как из-под земли, выросли люди — мохнатые, неуклюжие. У одного на голове платок, сам он в кухлянке — толстой рубахе из оленьих шкур, с капюшоном, обшитым мохнатым собачьим мехом; калоши одеты на босу ногу. Другой в затасканной форменной фуражке без козырька, в пиджаке без пуговиц, в мохнатых меховых штанах и в торбасах — обуви из оленьей кожи. Лица широкие, испачканные жиром и копотью. Раскосые черные глаза.

И вокруг этой небольшой кучки людей целые своры кудлатых, остроухих собак. Собаки также внимательно и молчаливо, как их хозяева, смотрят на приближающийся катер. Смирно сидят, навострив уши. Переходят с места на место. А вот две подрались. И тотчас же вокруг них закипела свалка из собак, рябятишек, а затем и взрослых коряков с палками.

Тем временем катер застопорил. Дно баркаса зашуршало по песку отмели. Китайцы перекинули на берег узкую доску—сходни. Я сошел по ней и тотчас же очутился в тесном кольце людей. От их кожанной одежды шел кисловатый запах. Мою правую руку брали и трясли:

— Амто, приятель! —здоровались со мной. Так я приехал на Камчатку.

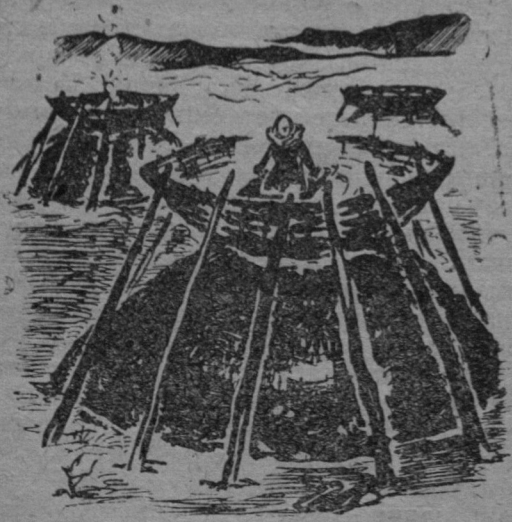
ГЛАВА II

Ровная прибрежная полоса, густо поросшая травой. Трава уже пожелтела и полегла от ветра. Дальше бурые холмы тундры покрытые мягким ковром мха. Редкие кучки корявого лиственного кустарника или ползучего кедра. Еще дальше невысокие горы. Голые каменные вершины покрыть снегом неуспевшим растаять за короткое лето. Небо низкое хмурое. Туман. Резкими порывами налетает холодный ветер. Море бурное. Прибоем набрасывается на пологие берега. Это северная Камчатка в августе. Так она меня встретила.

На самом берегу реки около устья. Как раз в том месте, где спокойная красноватая вода реки смешивается с зеленой пенистой водой моря, среди желтой травы чернеют несколько земляных холмов. Трава возле них примята. Валяются разбитые кости, камни, палки. Бродят собаки. На шестах, воткнутых в землю, развешены сети. Большая лодка, сшитая из тюленьих шкур, опрокинута вверх дном. Возле нее копошатся две человеческие фигуры в кожаных одеждах. В стороне торчат на длинных сваях несколько маленьких шалашей из травы.

Земляные холмики — это коряцкие жилища; травяные шалаши на сваях — амбары, склады запасов.

Почти над каждой землянкой курится жидкий дымок. Вокруг дымовых отверстий

с трех сторон стоят заслоны, сколоченные из досок или сплетенные из травы, чтобы ветер не задувал дым обратно в землянку.

Но что это шевелится среди заслонов в дыму на верхушке крайней землянки?

Из дымового отверстия высовывается лохматая женская голова. На затылке смешно торчат косички. Женщина щурится от дыма, морщит нос. Вот показались ее плечи, туловище в неуклюжей одежде. И вот уже она стоит во весь рост на крыше своей землянки. За спиной у нее сумка, плетеная из травы. Лямки от нее проходят через лоб. В сумке ребенок. В руках у женщины деревянный крюк-мотыга с каменным наконечником. Очевидно она собиралась в тундру — копать съедобные корни. Но зачем же тогда она влезла на крышу своей землянки, да еще через дымовое отверстие?

Деревьев на тундре нет. Там невозможно построить деревянного дома. За дровами и то приходится за несколько километров ездить на собаках, а летом таскать дрова на себе. Поэтому свои жилища оседлые коряки устраивают так: остов делают из тонких шестов и обкладывают его землей. Дымовое отверстие — единственное сообщение жилища с внешним миром. Оно служит дверью, окном и дымоходом. Посреди землянки укрепляют в наклонном положении толстое бревно, на котором сделаны зарубки — ступени. Такой неудобный вход приходится делать потому, что необходимо беречь тепло. Для того, чтобы дым не застаивался в помещении, с одной стороны землянки делают небольшой

отвод, на конце которого проделано небольшое отверстие. Оно открывается, когда в

землянке горит огонь. Самый отвод служит кладовкой, а дыра в нем делается для

тяги. Таким образом выходит, что коряки живут в большой печке, сделанной из земли.

Увидав меня, женщина присела на корточки и тотчас же нырнула обратно в землянку. На ее место вылез старый коряк, спустился по наклонной стене землянки и, приветливо улыбаясь, пошел мне навстречу.

— Торова, приячель, ходи моя юрта, — сказал он, взяв меня за руку.

Я еще ни разу не бывал в таких необыкновенных домах и конечно не отказался от приглашения. Мы взобрались на землянку и стали над дымовым отверстием. Дым снизу бил прямо в нос. Хозяин любезно приглашал меня спуститься. Но я не знал, как это сделать. Тогда он присел на корточки, обнял руками и ногами торчавший из дымового отверстия конец входного бревна и скользнул по нему, как провалился. Я проделал то же самое. Внизу меня поймали чьи-то руки, потащили и усадили на ворох оленьих шкур. Минуты две я ничего не видел в полутемноте и лишь протирал глаза от дыма. А когда огляделся — у моих ног уже лежала широкая обеденная доска. Хозяин сидел рядом. Хозяйка, стоя на коленях, доставала из ветхого ящичка блюдца, перетирала их пучком мха и ставила на доску. Чашки считаются неудобной посудой. Из них пьют только тогда, когда нехватает блюдец. Потом она достала

из того же ящичка кусок кирпичного чая, настрогала его прямо в чайник и стала разливать густо заваренный чай по блюдцам. Краснощекая девушка, очевидно хозяйская дочь, принесла деревянное корытце, полное вареного тюленьего мяса, положила по большому куску возле каждого блюдца. Землянка заволоклась паром. Сверху один за другим стали спускаться гости. Рассаживались на шкурах, которыми были устланы спальные места с трех сторон вдоль стен землянки. Очаг помещался почти под самым входным бревном, напротив кладового помещения. Собаки, почуяв запах еды, заглядывали в дымовое отверстие. С их высунутых языков капала слюна, едва не попадая к нам в чай. Чаепитие было оживленное. Громкое хлюпанье втягиваемого чая слышалось отовсюду. Звонко кракал сахар на крепких зубах. То и дело чья-нибудь шутка вызывала дружный смех. Хозяйская дочь уже в третий раз вылезала наверх наполнять чайники. Меня удивляла легкость, с которой она это проделывала. Ей ничего не стоило спуститься по бревну с двумя полными чайниками в руках.

А хозяйка знай наполняла блюдца. Никто не отказывался. Стало жарко. Гости поснимали свои теплые рубахи из шкур и сидели полуголые, в одних штанах. Пот струйками стекал по их смуглым мускулистым телам.

— Эо! эо! — закричали снаружи. Кто-то звал звонким голосом. Все встали словно по команде. Надели свои меховые рубахи, подпоясались и стали выходить, быстро и ловко взбираясь по бревну. Хозяин тоже встал и вытащил откуда-то из-под шкур копье со странным железным наконечником и длинный ремень, смотанный кольцом. Я спросил, в чем дело.

— Нерпа промышляй море ходи, — объяснил мне старик. Я понял, что они отправляются на тюлений промысел. Вслед за хозяином я кое-как собственными силами вскарабкался по бревну и вылез наружу.

Кожаная байдара стояла у самого прибоя, готовая к спуску в море. Посреди поселка чего-то ждали несколько человек. Трое из них были с ружьями. Все они были одеты в узкие штаны и рубахи из тюленьих шкур. Я понял, что это охотники. К ним подошел высокий горбоносый коряк Эгги. Не останавливаясь, он сказал — «ток!» — и направился к байдаре. Охотники пошли вслед за ним, подошли к байдаре, подняли ее на плечи, вошли по колено в воду, поставили легкую байдару на воду и тотчас же все вскочили в нее. Расселись по местам — шестеро гребцов, трое с ружьями на носу. Я подошел к длинному Эгги, потыкал пальцем себя в грудь и показал на байдару. Не говоря ни

слова, он подхватил меня сильными руками и передал, как мешок, одному из гребцов. Потом он с силой оттолкнул байдару, ловким прыжком перекинул ноги через корму и стал во весь рост, с рулевым веслом в руках. Я уселся у его ног. Гребцы взмахнули веслами, и байдара легко пошла по волнам.

Высокий, смуглый, усатый Эгги стоит крепко и прямо. Черными раскосыми глазами зорко оглядывает морской простор, время от времени поворачивая рулевое весло. Байдара, поскрипывая, прыгает по волнам. Нос у байдары широкий, полукруглый, корма тоже полукруглая, но поуже. Вода придавливает шкуры к переплету остова и кажется вот-вот прорвет их, хлынет в дыру и потопит судно. Переходя с места на место, охотники следят за тем, чтобы не оступиться. Байдара накреняется почти вровень с водой, но это их не страшит нисколько, хотя никто из них не умеет плавать.

Старший из стрелков сказал что-то, указывая направо. Эгги покачал головой и кивнул головой на островок, виднѣвшийся далеко в море. Замолчали. Широкими взмахами всех враз гребцы бесшумно, с силой работают веслами. Байдара легко шла по волнам. Вдруг всплеснуло невдалеке за кормой. Эгги оглянулся, кивнул гребцам, одним движением круто повернул байдару носом назад.

Байдара остановилась. Охотники замерли в ожидании.

Вот маленький черный бугорок показался из-за гребня волны и тотчас же скрылся. Волна схлынула. Блестящая тюленья голова торчала над водой. Тюлень жадно втягивал носом воздух. Маленькие черные глазки испуганно расширились, заметив байдару.

— Трек-трек-трек, — протрещали три торопливых выстрела. Две пули попали. Белое с зеленоватыми крапинами брюхо тюленя медленно всплыло над водой.

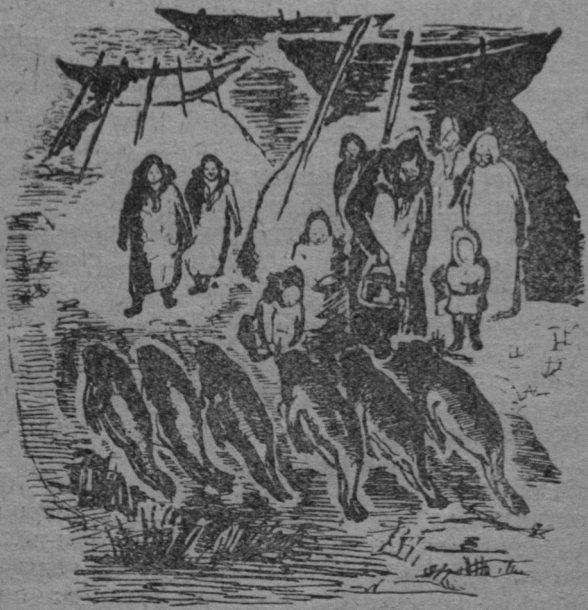
— Ток! — сказал Эгги, и шесть весел, ждавших команды, как крылья, подхватили послушную байдару. В руках у стрелков уже торчали наготове длинные багры. И еще не успела остановиться байдара, как острые крюки разом впились в начавшую тонуть тушу тюленя.

Охотники втащили ее в байдару и бросили на дно под ноги гребцам.

Эгги опять сделал знак гребцам, и мы двинулись дальше по направлению к островку. Оглядываясь по сторонам, я то-и-дело замечал тюленей, высовывавшихся из воды — набрать воздуха. Если тюленья голова показывалась не слишком далеко, Эгги направлял байдару на то место, где она скрылась. Байдара останавливалась. Молча и неподвижно мы ждали некоторое время, и дей-

ствительно тюлень вскоре показывался где-нибудь поблизости.

Быстрый увертливый тюлень, высовывающий над беспокойными волнами иногда

только кончик носа,— мишень очень невер ная. Однако мы были еще далеко от намеченного островка, а в байдаре у нас лежало уже три тюленьих туши.

Четвертого убитого тюленя охотники решили не втаскивать в байдару. Эгги взял копье, которое я видел у старика-хозяина, прикрепил к наконечнику копья конец замотанного ремня, привязал ремень к древку, воткнул копье в еще живого тюленя. Тюлень моментально стал тонуть, увлекая за собой копье. Пропала добыча!

Однако нет. Древко копья всплыло на поверхность возле самой байдары. Вот оно поплыло в сторону, повернуло направо, потом опять обратно. Охотники подгребли к нему. Эгги вытащил его из воды. Ремень от копья уходил в воду. Эгги отвязал конец ремня от древка копья и привязал к краю кормы. Потом охотники посовещались между собой, повернули байдару и поплыли назад к поселку. Убитый тюлень тащился за байдарой на ремне. Наконечник копья застрял у него в теле.

Весь поселок высыпал на берег встречать охотников. Байдару вытащили на отмель. Женщины подхватили тюленьи туши и понесли их на середину поселка. Ребятишки с пучками морской* травы в руках, крича и прыгая, бежали по сторонам. Они то-и-дело подбегали и обмахивали травой убитых тюленей. На площадке посреди поселка тюленей

* Трава, растущая на морском берегу.

Инв. № 150388
Камчатской обл. библиотеки

положили в ряд. Из землянки вышла старуха с чайником в руках и, переходя от туши к туше, стала наливать на нос каждому тюленю по нескольку капель воды. Вслед за ней шла женщина и втыкала в рот каждого тюленя по небольшому пучку травы.

Убитый на охоте зверь у коряков встречается, как дорогой гость. Его первым делом угощают, а затем приглашают раздеться, т.-е. снимают шкуру. Четыре женщины с большими ножами уже наклонились над тюленьими тушами. Быстрыми, ловкими движениями они принялись за привычное дело. Затем на ровные куски стали разрезать мясо. Добытое на морской охоте делится поровну между всеми семьями поселка. Даже случайно зашедшие гости получают равную долю, а только шкура достается охотнику, убившему зверя. Мне тоже предложили кусок тюленины. И я не отказался. Тюленье мясо, хотя и припахивает рыбой, но мягкое и довольно приятное на вкус.

ГЛАВА III

В конце ноября, по первой зимней дороге, я выехал на собаках в поселок Кичигу. Меня командировали туда из районного центра заведывать школой. Предстояло проехать около 300 километров. Это значит, что в дороге я пробуду дней 5-6. Дорога еще не установилась. Снегу было мало, не все реки замерзли. В марте, когда дни длиннее и снег покрыт ледяной коркой, для того, чтобы проделать тот же путь, достаточно 2-3 дней.

Еще темно, но звезды уже начинают гаснуть.

— Хак-хак-хак! — слышу я за окном. Потом что-то острое железное скребет по снегу. Это подъезжает мой каюр * Онта. Криками он погоняет собак, а «остолом» — толстой палкой с железным острием на конце — тормозит на раскатах нарту **, просовывая

---

* Каюр — собачий ямщик.
** Нарта — сани.

остол между полозьями. Ведь в собачьей упряжке нет ни вожжей ни кнута. Вместо того и другого, у коряков выдуман особый язык собачьей команды. «Хак-хак» значит — «прямо», «вперед».

— Чэх-чэх-чэх! — кричит Онта. Это он поворачивает собак направо, подъезжает к крыльцу.

Я оделся, вышел к нему навстречу. Колючий мороз сразу разогнал сон. Онта воткнул остол перед передком нарты, привязал ремень от рукоятки остола к стоячей дуге, которая приделана на середине нарты. Окончательно убедившись, что собаки не смогут сдвинуть с места нарту, если им вздумается убежать, он поднялся на крыльцо и поздоровался со мной.

— Амто, приятель, поедем?

— Да, пора.

Мы положили на нарту мою корзину. Онта устроил мне сиденье поудобнее. На длинной узкой нарте сидеть приходится боком, держа ноги на весу, чтобы каждую минуту быть готовым соскочить на землю.

Онта отвязал остол, взялся левой рукой за дугу нарты, левой ногой стал на правый полоз, взмахнул остолом.

— Хак-хак-хак-! — при малейшем толчке хозяина все десять собак, запряженных попарно на длинный ремень, дружно подхва-

тили легкую на ходу нарту. Вжж — заскрипел снег под полозьями. Ветер засвистел в ушах. Спящий поселок быстро уходил назад.

Стало светать. Взошло солнце. Мороз заметно крепчал. Кругом было тихо-тихо.

Ничего живого — куда ни взгляни. Только белые холмы с редкими крапинами кустарника. Далеко налево темно-синяя полоса моря. Направо горная цепь, светло-розовая от солнца. Мы ехали без всякой дороги, проверяя направление по вершинам ближайших гор. Собаки, бежавшие бодрым галопом, пока было темно, теперь шли неторопливой трусцой. При каждом подъеме или неровности дороги приходилось вскакивать и бежать рядом с нартой, придерживая или подталкивая ее за дугу.

Тяжело дыша и обливаясь потом, мы и собаки, общими силами, втащили нарту на почти отвесный откос. Теперь нам предстоял такой же крутой спуск в долину широкой реки. Онта просунул остол между полозьями, уперев его о правый копыл, поддерживающий дугу. Мы вместе обеими руками ухватились за рукоятку остола. — Хак-хак-хак.— Черный передовой пес Авахли насторожил уши, оглянулся и пошел к спуску. Авахли — вожатый всей упряжки, он должен повиноваться хозяину и вести за собой всех остальных собак. Спускались сначала тихо. Но вот

все быстрее, быстрее летит нарта. Собаки несутся вскачь. Подпрыгивая на нарте, мы с Онтой тормозим изо всей силы, втыкая остол в снег, в землю. Снег так и брызжет во все стороны из-под острия остола. И вот наконец — вжж — стремглав мы вылетаем на речной лед.

Мы ехали по долине реки.— Хак-хак-хак! — Онта повернул собак в устье маленького ручейка. С крутых берегов его свисал ольховый кустарник. Затормозив нарту остолом, Онта вынул из-за пояса нож, нарезал ольховых веток. Один длинный сук он наклонно воткнул в снег и сделал под ним подпорки из двух веток. Потом достал маленький дорожный чайничек, прорубил ножом лед, достал воды и повесил чайничек на треног из сучьев. Развел костер. Через четверть часа мы уютно расположились на снегу под крутым берегом. Берег защищал нас от ветра; мы сидели и пили горячий чай, закусывая вареным мясом.

Дальше поехали вдоль ручья, выехали на тундру. От яркого солнца белая тундра блестела так, что слепило глаза. Собаки едва тащились. Казалось даже, что мы вовсе не двигаемся. Онта дремал, опершись лбом о дугу нарты. Я тоже клевал носом.

Вдруг собаки подняли хвосты, насторожили уши. Все быстрее, быстрее катится

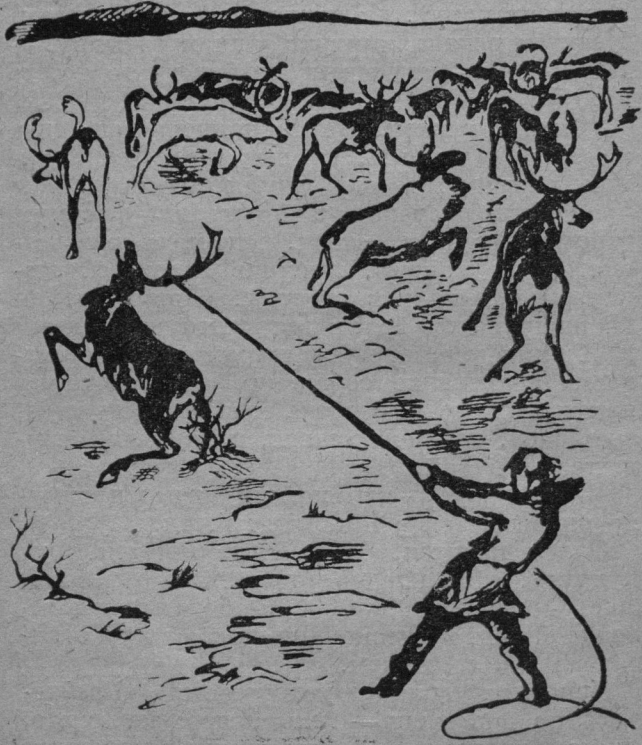
наша нарта. Мы с Онтой оглядываемся по сторонам, но ничего не видим. В чем дело? Собаки так и рвутся. Онта изо всей силы тормозит нарту. Но они даже не чувствуют. Несутся вскачь, прижав уши к затылку. — Вау! Вау! — подвывает на берегу то та, то другая.

Холм, овражек. Нарта накреняется, едва не опрокидывается, но выпрямляется в узком распадке между двумя холмами. Мы пролетели распадок и врезались в самую середину оленьего стада. Олени, задрав ветвисторогие головы, выпучив глаза, с фырканьем кидаются в сторону. С двух сторон на нашу нарту бросаются мальчики-пастухи и общими усилиями вчетвером мы задерживаем ошалевших собак. Собаки высунули языки, тяжело дышат, но, едва отдышавшись, все сразу, как по команде, поднимают оглушительный вой.

— Ва-у-у-у! — так хозяин-оленевод обычно оповещается о прибытии гостя.

Олени косятся, ближайшие жмутся друг к другу, отбегают подальше. Стадо небольшое — оленей 500—600. У богатых оленеводов бывает по нескольку стад, от 2 до 3 тысяч оленей в каждом.

Понемногу олени успокоились. Разбрелись по пастбищу — белые, черные, бурые, серые, пестрые, с большими ветвистыми

рогами,—ложатся, встают, переходят с места на место, роют передними копытами снег, достают из-под снега мох, жуют с хрустом. Все пастбище разрыто, разворочено, вытоптано.

Мальчики-пастухи отогнали оленей немного в сторону, и мы увидели в низине, у извилистой, еще не замерзшей речки два шатра из оленьих шкур. Хозяева вышли из шатров и стояли у входа, стараясь разглядеть, кого судьба несет. Всякий гость — желанный. В беседе с ним скорей пройдет долгий зимний вечер в шатре.

Мы с Онтой опять сели на нарту. Едва он подтолкнул ее за дугу — собаки рванули и опрометью примчали нас прямо ко входу в передний шатер.

— Амто! — приветствовал нас хозяин.

Приветливо улыбаясь, он отогнул входную шкуру. Я вошел и первым делом стукнулся лбом об один из поперечных шестов. Целая система тонких и толстых шестов распирала изнутри это меховое жилище. Казалось, что и ступить некуда. Второй мой шаг был не

более удачен. Я наступил на лапу кудлатого щенка, который около самого входа старательно вылизывал какую-то миску. Щенок поднял душераздирающий визг. Тогда хозяйка дома, растрепанная и неряшливо одетая женщина, смеясь, взяла меня за руку, обвела вокруг костра, ярко пылавшего посредине юрты, и усадила на шкуры, которыми был устлан спальный полог.

В юрте было два полога — один прямо против входа, другой — направо. Полог — это очень хитроумное изобретение жителей тундры. Большая покрышка, сшитая из 10—15 оленьих шкур, подвешивается к потолочным шестам юрты. Изнутри она подпирается несколькими подпорками и шестами. Получается нечто вроде мехового ящика высотой и шириной в человеческий рост, а длиной от четырех до пяти метров. Стенки из шкур свешиваются со всех четырех сторон, пол тоже устилается толстым слоем шкур. На ночь вся семья забирается в полог, стенки тщательно подтыкают под настилку, и все сидят там при свете жировой лампы, согревая эту довольно уютную комнату собственным человеческим теплом. В пологе бывает так жарко, что в самые лютые морозы коряки сидят там голыми.

Но сейчас, днем, передние стенки обоих пологов были открыты. В заднем пологе

идели две женщины. Обе опирались на широкие доски. Нижний конец досок упирался в земляной пол юрты. На каждой доске была разложена шкура левой стороной вверх. Они держали обеими руками слегка изогнутый брусок дерева, в середину которого был вделан плоский камень с заостренными краями. Этими первобытными орудиями женщины скребли шкуры. В выделке оленьих шкур орудиями каменного века коряки достигают тонкости замши.

Впоследствии в каждой юрте, куда я ни заходил, я заставал коряцких женщин за этим делом. Оленеводство — главное занятие коряков.

Олень дает мясо для еды, шкуры для одежды и для жилища. Из оленьих сухожилий делаются нитки, из рогов и костей всевозможные хозяйственные предметы. Кроме того на оленях ездят, перевозят тяжести. Без оленей коряки не могли бы существовать.

Зато и жизнь коряка-оленевода всецело посвящена оленю. Истощится пастбище, — со всей семьей и домом кочуют на другое. Летом забираются в горы, где меньше комаров, которых так боятся олени. За оленями надо смотреть день и ночь. Ведь это не домашний скот, а полудикий. От малейшего испуга они могут разбежаться, и тогда их не вернешь. Отбившийся от стада олень

через несколько дней совсем одичает и тогда уж ни за что не подпустит к себе человека.

Хозяин сел на шкуры рядом со мной, и в ожидании чая мы с ним завели разговор.

— Ну, как живешь? — спросил я.

— Ничего. У меня оленей правда много.

По обыкновению оленеводов он сразу стал хвастаться своим стадом и не мог удержаться от самодовольной фразы:

— Мы хорошо живем, что же, наша еда кругом дома ходит. Пойдем смотреть моих оленей, — предложил он.

Мы вышли из юрты. Стадо только что подогнали и собирались убивать оленей на мясо. К хозяину подошел его 14-летний племянник Эвенкав. Это был коренастый здоровый парень. Одежда на нем была поношенная, рваная. Сквозь многочисленные дыры его меховой рубахи просвечивало смуглое тело, которое очевидно совсем не боялось мороза. Пастухам нарочно дают самую худую одежду, чтобы они не заснули, сторожа стадо. Коряцкие парни нередко в зимнюю непогоду по два-три дня проводят около стада, без еды и без сна. Пастушество — это коряцкая школа. Старики любят вспоминать многочисленные невзгоды, которые им приходилось стойко переносить в юности, во время пастушества.

В руках у Эвенкава был длинный ремень-аркан, свернутый кольцом.

— Какого оленя ловить? — спросил он.

— Сначала вон того, однорогого, — указал хозяин.

Из стада в несколько сот оленей, которые ни минуты не стоят на месте, все время перебегая и смешиваясь, выловить одного оленя не легко.

Но Эвенкав спокойно подошел к стаду, вмешался в гущу оленей. Он ни на минуту не сводил глаз с намеченной жертвы и шел все время так, чтобы отделить от нее остальных оленей, отгоняя их в сторону. Вот однорогий олень остался среди небольшой кучки в несколько десятков оленей. Эванкав вдруг одним быстрым движением извернулся, метнул рукой. Аркан змеей взвился в воздухе, и петля обвилась вокруг единственного рога оленя. Эвенкав рывком затянул аркан. Олень стал на дыбы, запрыгал, хрипя и вытаращив глаза. Но Эвенкав словно врос в землю. Он стоял, широко расставив ноги, напрягая каждый мускул своего сильного тела. Когда олень на минуту прекращал свои неистовые скачки и останавливался, понурив голову и широко раскрыв пасть, в которой с хрипением булькала пена, Эвенкав быстро наматывал аркан на руку и делал несколько шагов в сторону юрты. Так постепенно он тащил оленя к месту убоя.

Вот уже олень из последних сил крутит головой, весь дрожа, делает неверные скачки на площадке перед самым шатром. Эвенкав совсем укоротил аркан, наступив на него ногой. Морда оленя ткнулась об землю. Олень уж больше не сопротивляется. Он

стоит с разъехавшимися ногами, весь дрожит мелкой дрожью, хрипит тяжело, редко глаза его налились кровью. Не спеша подходит старик-хозяин. В руке у него длинный прямой нож. С минуту он стоит, пристально смотрит, затем сразу верным ударом всажи-

вает нож по рукоятку в грудь оленя у основания левой передней ноги. Из горла и из раны оленя хлынула кровь, глаза затуманились, ноги подкашиваются, олень грузно валится на бок. Прищурив глаза, старик внимательно следит, на какой бок упадет олень: если раной вверх — это хорошая примета, если же упадет на рану—быть худу.

Чтобы не пропадала оленья кровь, хозяйка спешит подставить под рану заранее приготовленный олений желудок. Желудок наполняется теплой кровью и крепко завязывается. Кровь нужна будет для супа. Потом приходят две другие женщины, и втроем они принимаются сдирать шкуру и резать на куски темно-красное мясо, от которого идет пар. Руки их по локоть в крови, лица тоже перепачканы кровью. Они жадно слизывают теплую оленью кровь со своих пальцев.

Руками, не высохшими от крови, хозяйка разливала нам чай. К чаю у нас были лакомства: вареный олений язык, печенка и почки, слегка подпеченные на огне.

После чая хозяин несколько раз выходил из шатра, отходил на возвышенное место и всматривался в даль. Оказывается, у него была больна пятилетняя дочка, и сегодня он пригласил шамана Нуталхута, который должен был ее вылечить. Он выходил встречать шамана. Под вечер шаман приехал.

Нуталхут был высокий бравый коряк. Он ходил быстро, высоко держал голову. Голова у него бритая, только на макушке оставлен венчик волос, от которого на затылке висят две маленькие косички с черными бусинами на концах. Через лоб идет ремешок с нашитыми на нем черными и белыми бусинами. Все это — отличия шамана.

Первым делом его напоили чаем. Затем сразу же стали приготовляться к шаманству. Затушили костер. Дымовое отверстие юрты закрыли пучком морской травы. Одна из женщин спустила входную шкуру и придавила ее камнем. Стало совсем темно. Лишь несколько головешек тлело на очаге посреди шатра. Но и их тщательно затушили.

Что они спать среди бела дня собираются? Меня подвели за руку в хозяйскому спальному пологу и усадили на шкуры. Рядом сидел хозяин и на коленах у него дочка.

— Дзень, — звякнул из угла бубен.

— Дзень, дзень, — ответил ему другой.

Кейнно-о онныи-ынны-а-анын!

Апа-аапкай гайа а-а-а-алын!..

Во всю ширину легких затянул высокий Нуталхут шаманскую песню:

— Бум-бум-бум, дрррр...

Это бубны. Двое мужчин с бубнами встали и принялись ходить вокруг потухшего очага. Бубны трещали непрерывно. Шаманы пели,

ходили вокруг шатра. А то вдруг принимались, приседая, прыгать на корточках по всему шатру. Кричали изо всей силы:

— Го! го-го! го-го! го-го! Хэ — хэннга!

Так с полчаса. Ветер задирал стенные шкуры, выл и как будто тоже шаманил. Когда шаманы кончили свою пляску, было видно, как Нуталхут подполз к нам, склонился над девочкой, взял в руки ее голову и долго что-то бормотал. Потом приложил губы к ее макушке и со свистом стал втягивать в себя воздух. Втянувши, стонал и как-то плаксиво хныкал. Так он проделал три раза. Потом встал, взял бубен и несколькими мерными ударами «согнал с него духов». Они ему были больше не нужны и могли лететь куда хотят — на небо или под землю. Он уже вылечил девочку.

Так объяснил мне хозяин. В прошлом году, во время «худого поветрия» у него умерло двое взрослых сыновей и 13-летняя дочь. Осталась только маленькая Чачуч. Он ее теперь очень любит. Последнее время девочка стала много капризничать. Наверное в нее влез злой дух, и она заболела. Отец попросил шамана Нуталхута полечить ее.

— Шаман прогнал духа. Разве ты не видел, как он высосал из головы девочки маленького красного человечка, как будто сделанного из сырого мяса. Это и был дух бо-

лезни. Теперь Чачуч будет здорова, — радостно говорил старик.

Про какого красного человека он говорит? Я все время, не сводя глаз, смотрел на шамана, пока он колдовал, но право же ничего не заметил. Очевидно надо очень сильно верить в страшных злых духов — нинвитов, как их называют коряки, чтобы видеть такие необыкновенные вещи.

ГЛАВА IV

Вьюга. Ветер не ослабевает ни на минуту. Снег сплошной непроглядной массой несется справа налево, слепит глаза, режет лицо, не падает на землю, а с воем проносится мимо. Собаки едва тащатся. Нарта накреняется, то-и-дело валится то на один бок, то на другой, тонет в рыхлом снегу. Дороги не видно. Не видно даже передней пары собак.

Куда заехали? Как выберемся? Где-то здесь близко должна быть землянка Оптелхута. Но разве можно узнать место в таком урагане. Мы с Онтой сидим на нарте, с головой завернувшись в кухлянки. Встаем, поднимаем нарту, когда она падает, опять садимся. Мы знаем, что только сами собаки могут спасти нас. И они все идут и идут, тянут изо всех сил, через силу.

Так и есть. Мы заехали за скалу. Отвесная каменная стена защищала от ветра. И сразу стало видно: кустарник по берегам извилистой речки. Немного дальше кустарник расступается, и на ровной поляне — землянка. Совсем необыкновенная землянка, даже

страшная. На крыше около дымового отверстия воткнуты три шеста и копье. Наконечник копья увешан ленточками и амулетами с ладанками. А на шесты воткнуты отрубленные собачьи головы. Остекленевшие глаза, оскаленные пасти, высунутые посиневшие языки.

Старуха Тытына, мать Оптелхута, — шаманка. Недавно она принесла жертву духам. Она шаманила об удачной охоте сына, и в тот вечер, когда мы у нее ночевали, она спрашивала у духов, довольны ли они жертвой. Оделась в белую кухлянку, увешанную бусами, росомашьими и горностаевыми хвостами. До поздней ночи в темноте била в бубен, пела, стонала, говорила непонятные слова, кричала звериными голосами. Мы все смирно лежали и слушали. Онта уверял меня, что землянка полна злых духов. В конце концов духи сказали старухе, что они довольны ее жертвой.

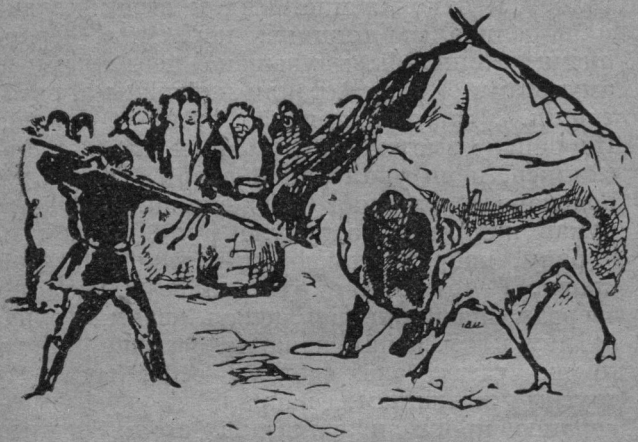
Коряки думают, будто бы нинвиты — злые духи — каждый вечер вылетают со своих стойбищ и невидимо носятся в воздухе. Иногда они принимают видимый образ мохнатых, большеротых, красноглазых людей, пугают одиноких прохожих, всячески вредят людям, посылают болезни или «вылавливают душу» — тогда человек умирает.

Чтобы задобрить духов, коряки приносят им в жертву собак и оленей.

Помню, я пришел на одно стойбище в день праздника осеннего убоя оленей. За главным шатром долговязый парень пастух изо всех сил на аркане держал оленя, пригнув его голову к самой земле. Рядом стоял хозяин и нацеливался длинным копьем в сердце оленя. Копье было увешано ленточками и амулетами. Вокруг стояли женщины и ребятишки. Удар копья попал прямо в сердце. Из раны хлынула кровь. Ноги оленя разъехались, и он упал раной вверх. Тотчас же подскочила старшая из женщин, засучила рукав кухлянки, засунула руку по локоть в рану, набрала пригоршню теплой густой крови. Ребятишки окружили ее и всем по очереди она принялась делать знаки кровью на лбу и на щеках и на подбородке, потом то же самое она сделала себе, мужу и другим женщинам, набрала другую пригоршню крови и помазала стены шатра, сани, миски, которые лежали вокруг. Так она совершила помазание кровью. Дико выглядели хозяева праздника, помазанные такой миррой.

Потом отрубили голову оленя, сняли ее вместе со шкурой и привязали к главному шесту внутри шатра. Выпотрошили легкие, почки, печень и привязали туда же. А внизу под ними положили деревянных идолов — охранителей.

13-летняя дочь хозяина достала откуда-то из угла целую связку деревянных человеческих и звериных фигурок. Все они был плоскомордыми, с большими просверленным

глазами и разинутыми ртами. Первым делом она запихала в рот каждому идолу по куску оленьего мяса и жиру, потом расставила их вряд перед очагом, под повешенной на шесте головой только что убитого оленя. А хозяин принялся перед ними шаманить — петь, плясать и бить в бубен.

Эти деревянные идолы — такие же злые духи, но только домашние. Они постоянно

лежат кучкой в темном углу. Но как только понадобится их помощь, идолов вынимают, вытирают мхом, усаживают как дорогих гостей на самую лучшую оленью шкуру, угощают самым жирным мясом. А потом опять сгребают в кучу и бросают в угол.

Вольных злых духов тоже кормят. После того как кончилось шаманство над домашними идолами, хозяин с сынишкой взяли по маленькой деревянной мисочке, полной вареного мяса, нарезанного на мелкие кусочки, зашли за шатер и, нашептывая заклинания, принялись разбрасывать мясо в разные стороны.

Посредниками между коряками и злыми духами — нинвитами — служат мухоморы. Коряки говорят: «Наша сердитый вода * не шибко любит. Наша мухомор надо».

Мухоморы они глотают сушеными по 5, по 6, а иногда и по 10 штук зараз. Проглотят и через полчаса начинают пьянеть. На празднике убоя все были пьяные от мухоморов. Выглянешь из шатра и видишь — слоняются по всему стойбищу, трясутся, поют, пляшут с бубном, бормочут что-то, распустив слюни. Вот в наш шатер вошел широкоплечий Легле и разлегся во весь рост у самого входа.

* Сердитая вода — водка.

Его всего корчит, и он сам не то стонет, не то поет что-то жалобное, потом засыпает и видит сон. Ведь мухомор — шаман, кудесник. В хмельном сне он открывает человеку судьбу и сообщает ему волю духов.

В прошлом году один русский из села Опуки приезжал к коряку Нутавию покупать собак. У Нутавия было два полуторагодовалых белых щенка, уже обученных собачьему языку, т.-е. понимающих, что «кахках» значит направо, «чэх-чэх» — налево и другие слова команды, которая употребляется при езде на собаках. Приезжий давал хорошую цену — 100 рублей за пару собак. Но Нутавий как раз перед этим устраивал праздник убоя оленей и ел мухомор. Во сне мухомор сказал ему, что духи хотят этих собак. Гость настаивал, набавлял цену. Вечером Нутавий сказал: «Ну ладно, давай спать, завтра поговорим». Утром, когда гость вышел из юрты, он увидел две мертвые собачьи головы, торчащие на кольях возле входа в шатер. Нутавий не посмел ослушаться духов. Он принес собак ему в жертву.

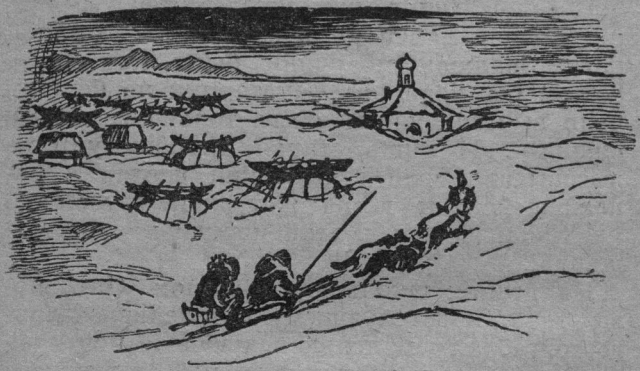
ГЛАВА V

Поселок Кичига весь ушел в снег. Землянки торчали маленькими бугорками. Длинноногие шалаши-амбарчики были как будто совсем без подпорок. Кустарник по берегам реки вылезал из-под снега только верхними сучьями. И лишь старая церковь упрямо высовывала свой кривобокий чердак с покосившейся от ветра железной трубой на макушке. Теперь в этой церкви помещается школа.

На дверях школы висел замок. Онта повез меня к заведующему отделением Дальгосторга. Его маленькая избенка почти не видна, мы подъехали к ней вплотную. Она стояла как бы в большой снежной яме. Я спустился на десяток снежных ступеней, открыл дверь. В сенях меня встретил широкоплечий человек в полу русской-полутуземной одежде — т. Суслов. Мы поздоровались, как старые знакомые, хотя видели друг друга в первый раз. Советские работники на севере раскиданы на сотни километров, и каждая встреча для них — настоящий праздник.

За чаем завязался оживленный разговор. Обсудили сначала местные новости.

В районе реки Опуки эпидемия какой-то болезни — из райревкома поехал на оленях санитарный отряд.

На стадо богатого Кичигаята напали волки, загрызли много оленей, потому что шаман Аптарат настрого запретил убивать волков. У коряков волк считается шаманским зверем.

В этом году так много лисиц, что они даже бесятся от голоду. Старая Калявви несколько дней назад пошла за водой и видит возле проруби сидит лисица и воет. Она убила лисицу палкой.

— Хорошая шкурка. Я принял ее за 25 рублей, — сказал Суслов.

Мы поговорили еще часок. Потом Суслов встал, потянулся.

— Ну, ты меня извини, — мне надо за работу садиться. Нашему брату, «советскому купцу», дела хватает. Это прежние купцы так торговали: выменяет любую шкурку за бутылку спирта или за пару ситцевых платков, засунет в своей мешок и доволен. А у нас дело строго поставлено. Шкурки принимаем по сортам. Цены установлены твердые. Каждая шкурка нумеруется. На каждого покупателя открывается особый счет и записывается, что он сдал и что он сам забрал. Вздохнули коряки. Без малого триста лет обдували их пронырливые купчики, крепко держали в неоплатном долгу. Теперь не то. Они хоть неграмотные и считать не умеют, однако понимают, что по-другому дело ведется. Мы с ними — приятели. Вот приедут покупатели — увидишь, как у нас торг идет на новый лад.

Я увидел это на следующее утро. На рассвете нас разбудили стуком в окно.

— Торговать приехали, — сказал Суслов, поспешно одеваясь.

Вошли двое коряков, с виду — оленеводы. Осторожно ступая мягкими сапогами из оленьей кожи по гладкому твердому полу

деревянного русского жилья, озираясь с любопытством, они остановились посреди комнаты.

Один был стройный, смуглый, усатый, с большими черными раскосыми глазами.

Лохматые жесткие волосы лезли ему в лицо. На затылке болтались две косички, с бусинами на концах. Штаны и рубаха из темных оленьих шкур, надетые прямо на голое тело, выглядели на нем нарядно.

Другой, ширококостый парень, со здоровым, грязным лицом, в заношенной рубахе из шкур, ходил в развалку. Голова у него была обрита ножом, и только вокруг пробритой макушки был оставлен кончик волос и на затылке — такие же две косички.

— Амто! Пришли! — поздоровался с ними Суслов.

— Да, наша пришла. Мало-мало торгуй надо.

Мы пошли на склад. Склад был не дом и не землянка, а огромный ящик сколоченный из досок и покрытый брезентом. По сторонам вделаны маленькие косые окошечки. Половина склада была отделена. Там хранилась пушнина. Шкуры лисиц, песцов, росомах, горностаев, связанные по 5, по 10 штук, висели рядами. В углах лежали огромные тюки оленьих, тюленьих и медвежьих шкур. Это выручка за товары. Товары были сложены в другой половине склада. Мешки с мукой, с сахаром, тюки с табаком, ящики с патронами, порохом. Мелкий товар расставлен был по полкам, как в настоящем магазине. Охотничьи ружья — винчестеры, связки

капканов висели над прилавком. Сразу видно было: советская торговая организация Дальгосторг хорошо заботится о снабжении туземцев крайнего севера.

Суслов зашел за прилавок, вынул счеты, разложил заборные бланки. Коряки сбросили с плеч свои мешки из тюленьих шкур, сели на пол и принялись распутывать длинный ремень, которым был обмотан каждый мешок. Вытаскивая по одной шкурке, клали на прилавок. Опытным глазом оценив шкурку, Суслов ставил рядом товар — несколько плиток кирпичного чаю, пачку патронов, пакет сахару, несколько папуш (пачек) листового табаку. Шкурка за шкуркой — в торжественном молчании шел обмен пушнины на товары. Случалось, шкура не годилась. Суслов бросал ее обратно. Владельцы не протестовали. Все так же спокойно вытаскивали следующую и, не сводя глаз, следили, сколько и какого товару даст за нее «советский купец». Иногда они сами указывали, что им надо: капкан, чашку, платок для жены. К их огорчению «советский купец» ни за что не соглашался отпустить блюдце без чашки.

Они ни за что не хотели выложить сразу свой запас. Им хотелось продлить удовольствие получения заморских диковин и гостинцев взамен оленьих и лисьих шкур,

которые в их глазах не имели большой цены.

Но вот наконец все шкуры сданы, все товары выданы. Забрав в охапку все купленное, покупатели идут вслед за купцом в его избу.

Дома Суслов снял с плиты кипящий чайник, настрогал в него чаю от плитки. Положил среди кухни опрокинутый вверх дном небольшой ящик из-под товару, поставил на него два блюдца, насыпал американских пресных галет, положил по куску сахара. Поджав под себя ноги, гости уселись по обеим сторонам ящика и приступили к чаепитию. Всякая торговая сделка должна быть скреплена угощением. Дальгосторг не нарушает этого испокон веков укоренившегося обычая. После пятой-шестой чашки гостям стало жарко. Они поскидали свои меховые рубахи и сидели полуголые, обливаясь потом.

Через полчаса ведерный чайник выпит до дна, съедены все галеты. Небольшого куска сахару хватило до последней чашки. Гости вскакивают, быстро через голову надевают свои рубахи из шкур, подпоясываются, быстро-быстро увязывают кожаные мешки. Вот мешки уж на плечах. Ремень-лямка идет через грудь, иногда через лоб.

— Нгето! (до свидания), — бросают они, едва оглянувшись. И вот они уже за дверью. Я выхожу вслед за ними. Иду в школу.

ГЛАВА VI

Я снял замок с двери школы. Вошел. помещение церкви было переделано под класс, украшено портретами, плакатами, цветными гирляндами. Чуть не на самой середине класса торчала неуклюжая самодельная печь, недавно сложенная, но уже скосившаяся на бок. Много беды нам было потом с этой печью. Четыре парты, облупленные, поломанные, стоят возле левых окон. И больше ничего.

Я прошел через класс в отгороженный алтарь, там отведена мне квартира. Два узких запыленных окна в полукруглой задней стене. Шкафчик с учебниками, перевязанный веревками, чтобы не развалился. Койка — кое-как сколоченная из досок. Колченогий стол и табуретка — такова обычно мебель в квартире каждого камчатского советского работника. В углу — печурка, такая же ненадежная, как в классе.

Едва я успел осмотреться, слышу топот ног на крыльце, затем в классе. Дверь отворяется. Высовываются лохматые черноволо-

сые головенки, раскосые глаза глядят пытливо и немного испуганно.

— Амто! — приветствую я веселым голосом. И тотчас же в моем алтаре становится тесно от мохнатых юрких фигурок, больших и маленьких. Мы пытаемся завести разговор. Они умеют немного говорить по-русски, а я знаю несколько десятков слов по-коряцки. Вытаскиваем первую попавшуюся книжку, пробуем читать. Они стараются перещеголять друг друга, хотя почти ничего не знают. Через полчаса у нас уже установились самые приятельские отношения.

В школе шум, возня. Дрова принесены. Печка затоплена (дымит немилосердно). Чайник закипает. Вещи мои перетащены и разбираются общими усилиями. Всем весело.

— Ну, а теперь чай пить!

Моментально расхватывают чашки и блюдца. Всем нехватает. Но это их не смущает. Неприхотливые гости пьют чай из крышек от чайников, из жестянок. Предусмотрительно заготовленные мною пряники и конфеты делают нашу встречу настоящим праздником. На завтра я назначаю первые занятия.

С первых же дней работы я увидел, что коряцкие ученики — это совсем особенные ученики. Во второй или третий день занятия у нас затянулись до сумерок. Помню мы раз-

бирали какой то отрывок из хрестоматии, стараясь возможно точнее перевести на коряцкий язык каждое слово. Ребятам это занятие нравилось, они старались перещеголять друг друга в точности перевода. Вдруг наладившуюся работу прервал тонкий голос 13-летнего Лигргына:

— Учитель, уже темно. Ты меня домой пусти.

Я удивился. — Зачем? Вот кончу урок — всех отпущу.

— Нет, ты меня пусти. Моя юрта далеко. Если я один пойду в темноте, мне нинвиты худое сделают.

Я знал уже о том, как сильна у коряков вера в злых духов — нинвитов. Что мне было ответить моему ученику? Я решил обратить дело в шутку. Усмехнувшись, махнул рукой:

— Ну да, нинвиты. Это только ваши старухи про них сказки рассказывают.

Ученики повскакивали с мест. Заговорили все разом. У некоторых даже глаза заблестели.

— Как? Ты не знаешь! Ты только что приехал, — как ты можешь знать, что у нас есть? Может быть у вас, у русских, нет нинвитов, а у нас есть. Это правда. Спроси у кого хочешь. А я и сам видел...

И посыпались рассказы, один другого убедительнее. Я молчал и слушал. Возмущение ребят было не шуточное.

— Ладно! Поучитесь хорошенько, поймете, что ваши нинвиты — выдумка. А пока — что с вами сделаешь, — думал я.

Каждое утро у меня начиналось так. Едва забрезжит рассвет, — уже слышу топот ног и звонкие голоса в классе. Открывается дверь моего алтаря, тесное помещение наполняется шустрыми бесенятами в мохнатых кухлянках.

— Учитель, вставай, учи! Сейчас светло будет.

Встаешь и частенько с полчаса приходится ждать, пока рассветет.

Занимались ребята старательно. Жадно ловили каждое мое слово. Тщательно выписывали в тетрадках каждую букву. Сами составляли себе русско-коряцкие словарики. Не уставали по часу просиживать над одной задачей. Но на втором или третьем уроке чуть не каждый день начиналось одно и то же.

— Тише, ребята!

— Да, тише. Холодно. Тебе хорошо, ты руки в кухлянку запрятал, а у нас пальцы замерзли. Писать не можем.

Они были правы. В классе мороз. Ветер свободно разгуливает по классу, прорываясь сквозь щели в стенах бывшей церковенки. Парты сдвинуты к печке. Но напрасно. Печка совсем не греет, а только дымит.

На 4 партах теснятся 14 учеников. Они сидят в меховых кухлянках и поминутно дуют на руки. Парты ходуном ходят от малейшего их движения. На 14 человек — всего 3 чернильницы. Тетрадки самодельные, из толстой темной бумаги. Классная доска — оборотная сторона какой-то иконы.

В такой обстановке самым прилежным ученикам трудно сохранить внимание и быть смирными. Но ученье — не баловство. Я повышаю голос:

— Вы слышите, тише!

— Холодно! Замерзли! Сделай перемену!

— Перемена только что была. Если вы не будете сидеть тихо, я сегодня не буду объяснять землю.

Это заявление действует на них магически.

— Нет! нет! Мы будем сидеть тихо!

И действительно даже самые шаловливые моментально превращаются в образец прилежания.

«Объяснять землю»—это значит рассказывать о жизни негритянских, индусских, китайских, европейских рабочих и крестьян, рассказывать о производстве всевозможных вещей и продуктов.

И слушали же они на этих уроках! Рты раскрыты. Лохматые головы, насторожившись, торчат из мохнатых кухлянок. Раскосые глазенки блестят, не мигая.

Конечно, как на всяких ребят, приходилось кричать на них за шалости, за мальчишеские проделки на уроках, но за невнимание, за лень — ни разу.

После третьего, четвертого урока бывало скажешь: — Ну, ребята, на сегодня хватит. Идите домой!

В ответ затянут несколько обиженных голосов:

— Нет, нет, еще учи. Мы будем сидеть тихо.

Оно конечно понятно. Дома работа, одна и та же каждый день: наколоть дров, наносить воды, накормить собак, в мороз и вьюгу съездить на собаках в кустарник, нарубить целую нарту дров или километров за пять тащиться осматривать капканы. Да если и нет работы — тесная, полутемная, холодная, полная дыма землянка. Один и тот же разговор об охотничьем промысле, о собаках и лишь в лучшие минуты — сказки и рассказы о шаманах.

А в школе — светло, просторно, иногда даже тепло. И каждый день узнаешь что-нибудь новое, неслыханное, необыкновенное.

Быстро и незаметно потекли наши школьные дни. Ребята делали значительные успехи. Мы и оглянуться не успели, как пришло Первое мая — последний день занятий в камчатских туземных школах.

Первое мая мы устроили демонстрацию. Утром собрались. Выстроились перед школой. Впереди «старшая группа» — 18-летний Ахалли и 16-летняя Имлотынав. Они вдвоем изо всех сил стараются удержать большой школьный флаг, который так и рвется вслед за ветром. По высоченным сугробам, утопая в снегу, зажмурив глаза, мы барахтаемся по направлению к крайней землянки Таята. У Муллинвиля уже сорвало бумажный флажок, и красный лоскуток унесся далеко за реку, крутясь в снежном вихре. Маленький Канрачигын все время падал и отставал, ножонки у него были слишком короткие, а длинная кухлянка ему была велика, и он в ней путался. Я взял его за капюшон и тащил, как щенка, за шиворот.

В темных землянках, устланных оленьими шкурами, нас встречали испуганно. Но тотчас же испуг сменялся веселым многоголосым:

— Амто! Яллатык! (Здорово! Входите!)

Сегодня все были дома и сидели на шкурах вдоль стен за своей обычной работой — женщины скоблили, мяли, сшивали шкуры, резали мясо, мужчины что-нибудь мастерили, или просто так сидели, развлекаясь неторопливым разговором.

Мы, изгибаясь, пролезали всей ватагой в низенькие двери кичигинских землянок, становились в круг, устанавливали посредине

совсем мокрый красный флаг и дружным хором пели выученный ко дню Первого мая «Пионерский марш севера»:

Солнце ночное
Над тундрой светит.
Племя родное,
Севера дети,
Рыбак и охотник
Товарищу рад.
Каждый работник
Нам дорог, как брат.
Мы — тунгусы, остяки и юраки.
Мы — камчадалы, гиляки, коряки,
Малых народов большая семья,
Оленеводы и дети ружья.

Потом, не дослушав громких одобрений и приглашений остаться, мы выбегали на улицу и храбро продолжали нашу снежную демонстрацию.

Обойдя все землянки в Кичиге, мы решили, что наша демонстрация еще не кончена.

— На Белую речку. На собаках на Белую речку. Пойдем, учитель.

На Белой речке, километров за 7 от Кичиги, стояли три землянки. В одной из них жили родители старшего ученика Ахалли.

— Хотите на Белую речку? Ну что ж, — в праздник все можно, даже в такой непогожий.

Мы пошли в школу, а Муллинвиль и Кергынто побежали домой запрягать собак. Через десять минут две готовые нарты — по 12 собак в каждой упряжке — стояли у двери школы.

Живой гомонящей кучей взгромоздились на нарты.

— Хак-хак-хак! — привычные псы дружно подхватили, и нарты понеслись, подгоняемые порывистым ветром. Старшие мальчики Ахалли и Кергынто бежали возле нарт, держась за дугу:

— Чэх-чэх! — кричали мальчики, и собаки послушно сворачивали направо.

— Куть-куть-куть! — и вся упряжка, как один, устремлялась налево.

На передней нарте мы привязали к дуге наш флаг. Праздничный поезд несся шумно и быстро. Не прошло и 15 минут, как мы уже подъезжали к поселку. А там нас словно ждали. Ребятишки повылезли из землянок и стояли «на крыше», — на Белой речке землянки были обычные, с верхним входом.

Забравшись на землянку отца Ахалли, мы по очереди стали съезжать в нее по входному бревну.

— Амто! Кктвалатык! — (Здорово! Садитесь!)—приветствовали веселые голоса снизу из темноты. Слепые от темноты и дыма, мы чинно расселись на предупредительно разо-

стланных шкурах, выложили захваченные с собой гостинцы — пряники, сахар. Быстро вскипели повешенные над огнем чайники, и началось шумное чаепитие.

На Белой речке сегодня праздновали. Бабка Ахалли, старая шаманка Тытыня, с утра наелась сушеных мухоморов и теперь была пьяная от них. За чаем все время рассказывала нам смешные коряцкие побасенки. Мы в долгу не остались:

Больше не надо
Злого обмана!
Слушать не будем
Попа и шамана!
Старая вера,
Рассейся, как дым!
Шире дорогу
Борцам молодым!

От нашей песни Татыня еще больше развеселилась. Надела праздничную кухлянку, выкрашенную ярко-красной ольховой краской и красиво обшитую бусами и ремешками, взяла свой шаманский бубен и принялась петь и плясать

Го! го! го!
Кэйнно-о-оонын энна-а-а-нын!
апца-а-апкай гайа-а-алын!

Она корчилась и извивалась всем телом.

— Бум-дзень-бум-бум-бум-дррр... — ревел бубен в ее неутомимых руках.

А когда кончила, посидела, отдышалась потом подошла ко мне и заплетающимся языком заговорила, хлопая меня по плечу:

— Нинвиты мне говорили: веселый — хорошо. Праздник делай хорошо. Песни пой — хорошо.

— Ну, ребята, споем еще разок на прощанье, да и к дому!

Надо было вернуться засветло.

Вечером весь поселок собрался в школе. Играли в жмурки — все от мала до велика. Боролись ребята и взрослые. Перепели все что знали. «Как родная меня мать провожала» — любимая песня. Девочки и женщины плясали национальный праздничный танец тюленя. Став в круг, извиваясь всем телом, приговаривали:

— о-ца, и о-ца-цанга!
— о-ца, и о-ца-цанга!

А другие, обнявшись и раскачиваясь, подпевали знаменитым чукотско-коряцким «горлохрипением»:

и-ах-га-га! и-ах-га-га!
ых-ля-ля! ых-ля-ля!

Когда же поздно вечером я объявил, что праздник окончен, ребята построились колонной и пошли под свой бодрый марш.

Выйдя вслед за ними на крыльцо школы я с удовольствием слушал, как по затихшей, светлой от луны тундре далеко разносились их звонкие голоса:

Не склоним шею
К прежнему игу!
Не надо водки,
Дайте нам книгу!
Знание на Север,
Как сокол, лети.
Солнце науки,
Над тундрой свети!

ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛЬ!

Напиши нам, понравилась ли тебе эта книжка?

Какие еще книжки из библиотечки „Дружных“ ты читал?

Какие из них тебе не понравились?

О чем бы ты еще хотел прочесть?

Откуда берешь книжки для чтения?

Пиши по адресу:

Москва, 7, ул. Коминтерна, 9, редакция «Дружных ребят».

В ПОМОЩЬ ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ

„ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА“
ВЫПУСТИЛИ ТАКИЕ ПЬЕСЫ:

Преображенский.— „Час веселья“. Печатается.

Преображенский. — „Измена Вьюна“. Ц. 12 коп.

Преображенский.— „Театр молодых проказников“. Ц. 8 коп.

Ценовский. — „Инкубатор“. Ц. 5 коп.

Гек Фин. — „Про ребят, про кошку и про судью Ермошку“. Ц. 5 коп.

ВЫПИШИ ЭТИ КНИЖКИ ИЗ КНИЖНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ „КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

Адрес: Москва, 7, ул. Коминтерна, 9

В ПОМОЩЬ МОЛОДЫМ КОЛХОЗНИКАМ

„ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА“
ВЫПУСТИЛИ ТАКИЕ КНИЖКИ

1. **Плесков.** — „Что посеешь, то пожнешь“. Цена 14 коп.
2. **Шатова.** — „С лопатой за лекарством“. Цена 12 коп.
3. **Фейгинсон.** — „Полевые опыты осенью“. Цена 8 коп.
4. **Коблова.** — „Защищайте сады и огороды от вредителей“. Цена 8 коп.
5. **Мяздрикова.** — „Школьный опытный огород“. Печатается.
6. **Чекатилло.** — „Дружным о кукурузе“. Цена 14 коп.

ВЫПИШИТЕ ЭТИ КНИЖКИ
ИЗ КНИЖНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
„КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ“

Адрес: Москва, 7, ул. Коминтерна, 9.

А ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ,

ЧТО ЭТУ КНИЖКУ И ЕЩЕ МНОГО ДРУГИХ ВЫПУСКАЮТ ЖУРНАЛ И ГАЗЕТА „ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА“?

ШКОЛА, ОТРЯД, ВСЕ РЕБЯТА ДЕРЕВНИ!

Если вы еще не выписали **журнал „ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА“**, то сделайте это поскорее.

Он поможет во всей работе. Выходит он 2 раза в месяц на 32 страницах со многими красочными рисунками.

АДРЕС: МОСКВА, 7, ул. КОМИНТЕРНА, 9, ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“. ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ И У СЕЛЬПИСЬМОНОСЦА.

ЦЕНА НА ГОД—2 р. 25 к., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к.